

DOI: 10.31860/0131-6095-2018-4-151-158

© В. В. Филичева

Ф. СОЛОГУБ В РАБОТЕ НАД ПЕРЕВОДАМИ ИЗ ФРЕДЕРИКА МИСТРАЛЯ И Т. Г. ШЕВЧЕНКО*

В 1919 году Ф. Сологуб решил переводить поэму провансальского поэта, лауреата Нобелевской премии 1904 года Фредерика Мистралья. Он начал свою литературную деятельность в 1859 году с издания поэмы «Мирей» («Mirèio») на окситанском языке. Затем вышли «Календаль», «Нерто» и «Поэма Роны», книги стихов «Золотые острова» и «Сбор оливок», а также пьеса «Королева Жанна». В России имя Мистралья было малоизвестно: единственными источниками знаний о нем были небольшие заметки «по поводу» и несколько переводов. На русском языке в 1892 году был опубликован перевод песни Винсена из первой поэмы поэта — «Магали», которая является литературной обработкой народной песни, а затем в 1911 году — стихотворения «Сверчки», двух отрывков из «Мемуаров» в детском журнале «Тропинка».¹ Других переводов до того, как Ф. Сологуб приступил к работе над поэмой, не появлялось.²

Впервые имя Мистралья прозвучало в 1891 году на страницах «Вестника иностранной литературы» в заметке, сообщающей о смерти провансальского поэта Ж. Руманиля, который «оживил язык трубадуров» — «лангдок» (langue d'oc).³ Ученик и последователь Руманиля, сумевший превзойти учителя, здесь назван поэтом «для избранных, а не для толпы».

Статьи, посвященные Мистрально, были скорее поводом для сообщения о процессе, который происходил в южной части Франции с начала 1820-х годов. Вокруг Руманиля объединились поэты, которые поставили себе целью возродить провансальскую поэзию — т. е. писать на своем родном языке. Они образовали группу фелибров (членов кружка фелибрижа — *félibrige*). Мистраль же после смерти своего «учителя» Руманиля стал самым ярким и преданным их представителем. Об этом подробно рассказывалось и на страницах «Иллюстрированного приложения» к «Вестнику», и в журнале «Книжки Недели».⁴ С этими событиями сопоставлялись аналогичные движения в европейских странах: Германии, Италии, Австрии, Ир-

* Исследование подготовлено при поддержке проекта РНФ № 14-18-01970 «Создание международного научно-информационного портала „Документальное наследие русской литературы: источники и исследования“».

¹ *Мистраль Ф.* 1) Магали (Провансальская песнь) / Пер. Б. Бер // Вестник Европы. 1892. № 5. С. 112—114; 2) Сверчки / Пер. Е. Бунге // Иллюстрированное приложение к газете «Киевская мысль». 1911. № 15. С. 121 (10 апр. Прил. к № 100); 3) В бегах / Пер. Н. Манасеиной // Тропинка. 1907. № 21. С. 836—846; 4) Как в Провансе проводили Рождественские праздники [Из воспоминаний Ф. Мистралья] / Пер. Н. Манасеиной // Там же. № 24. С. 982—990; 5) Воспоминания об А. Додэ // Русский вестник. 1901. Т. 271. Январь. С. 220—221.

² До сих пор сочинения Мистралья на русском языке практически не представлены: *Мистраль Ф.* 1) Мирей / Пер. Н. Кончаловской. М., 1977; 2) «Чаша»; «Встреча»; «Причастие святых» и др.: [Стихи] // Поэты-лауреаты Нобелевской премии. М., 1997. С. 27—43 (пер. М. Ваксмахера, А. Сушкевича, В. Жаботинского); 3) Гимн солнцу / Пер. В. Мультипули // Французская лира. СПб., 1997. С. 48. Не существовало и устоявшейся традиции в транскрипции названия поэмы: Мирель, Мирей, Мирейо, Мирея. Сологуб обстоятельно поясняет свой выбор написания (Мирея) в предисловии «От переводчика»: «Имя *Mirèio*, переданное по-французски начертанием *Mireille*, по-русски должно иметь начертание Мирея, на том основании, что конечное *o* в провансальском языке служит признаком женского рода (*Marto, cantarido, Itelio*) и соответствует русскому окончанию *a*; предпоследняя гласная *i* сливается с окончанием *a* в дифтонг *ya* (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 47. Л. 1 об. — 2).

³ А. Э. Смесь // Вестник иностранной литературы. 1891. № 7. С. 311—317.

⁴ Фелибры и поэт Мистраль // Иллюстрированное приложение «Вестника иностранной литературы». 1894. № 10. С. 45—50; *Краснов П. П.* Провинциальная поэзия // Книжки Недели. 1895. № 4. С. 194—201.

ландии и т. д. Для примера приводится и закрепившееся в дальнейшем сравнение Прованса с Украиной как частей большого государства, а Ф. Мистралья с Т. Шевченко: «Конечно, всякий француз или даже иностранец, знающий французский язык, может без особого труда разбирать провансальский язык — как всякий русский может понимать малороссийский язык».⁵ Критик «Иллюстрированного приложения» также ставит в один ряд имена Мистралья и Шевченко: «Несомненно, в каждом государстве существуют, хотя бы в зародыше, подобные провинциальные движения. (...) У нас можно указать на малороссийскую литературу, которая, впрочем, после Тараса Шевченки чрезвычайно упала...»⁶

В 1905 году Тарас скептически настроенный автор журнала «Вестник иностранной литературы», сообщая о присуждении Нобелевской премии Х. Эчегераю-и-Эйсагирре и Мистралю, ошибочно утверждал, что «деревенская эпопея» написана в соавторстве с двумя другими поэтами, и замечал, что само движение фелибров и их «желание возродить интерес к трубадурам XIII века даже во Франции считается приятным развлечением небольшой кучки интеллигентных людей; серьезного значения этому движению не придают».⁷ Эта национальная составляющая приветствуется другим рецензентом, подчеркивающим важность получения премии для развития литературы: «Комиссия, увенчавшая труды Мистралья и Эчегарая, как бы вступает за самобытное творчество небольших литературных групп». Одновременно с этим автор призывает вспомнить, что «у нас Белинский издевался над таким представителем малорусской литературы, как Шевченко, в то самое время, когда его душили люди, бесконечно чуждые мировоззрению Белинского».⁸

Следующие сообщения о Мистрале появились в 1909 году, когда в честь 50-летия выхода поэмы «Мирея» в Арле Мистралю был открыт памятник,⁹ а вышедшие за ними, как кажется, в неурочное время — в 1911 году, публикации были вызваны 50-летней годовщиной смерти Шевченко.

Эти параллели с Шевченко, зарождающиеся в сознании читателя, наиболее ярко выражены и артикулированы П. Наумовым (П. Н. Гуревичем). В «Аполлоне» он опубликовал статью «Шевченко и Мистраль (Историко-литературная параллель)», где изложил те критерии, по которым можно сопоставить двух певцов за свободное существование и возрождение нации.¹⁰

Интенции другого критика сводятся к стремлению объяснить суть фелибрижа и оценить влияние сепаратизма на современную культуру: «...открещиваясь вместе с фелибрами от партийности, от „злости дня“, и подчеркивая свою преданность лишь эстетическим духовным требованиям „провинции“, все эти общества в конце концов поддерживают „сепаратизм“, протестуя против централизма правительства и против нивелировки нашей современной культуры».¹¹

⁵ *Краснов П. Л.* Провинциальная поэзия. С. 195—196.

⁶ Фелибры и поэт Мистраль. С. 45.

⁷ Присуждение Нобелевской премии // *Вестник иностранной литературы.* 1905. № 1. С. 309.

⁸ А. Г. Новые литературные лауреаты // *Вестник и библиотека самообразования.* 1905. № 4. Стб. 118. См. также статью — перевод из «Monthly Review»: Поэт-провансалец // *Новый журнал литературы, искусства и науки.* 1906. № 2. С. 273—274.

⁹ [Открытие памятника Мистралю] // *Исторический вестник.* 1909. № 12. Отд. Новости и мелочи. Стб. 1179—1180; *Адамов Е.* Фредерик Мистраль (К 50-летию Mireille) // *Киевская мысль.* 1909. 14 июня. № 162. С. 2—3.

¹⁰ *Аполлон.* 1911. № 5. С. 35—43.

¹¹ *Погодин А. Л.* Из истории национальных движений (Прованс и Ирландия) // *Русская мысль.* 1911. № 11. С. 116. Автор также не упускает из виду параллель с Шевченко: «Надо прибавить к этому, что Мистраль ни разу не был ни арестован, ни выслан за свою поэтическую деятельность, никогда около него не стоял солдат, надзиравший за тем, чтобы он не писал. И на челе его, увенчанном розами Прованса, никогда не лежал мученический венец Шевченка» (Там же. С. 114).

Наибольший всплеск интереса к Мистрально в русской прессе замечен только в связи со смертью поэта.¹² Но и здесь Шевченко незримо присутствует в рассуждениях литераторов, так как в 1914 году исполнилось 100 лет со дня рождения певца Украины.

Судьба Шевченко, сопоставимая с судьбой Мистралья, очень ярко высвечивает разницу между российским и европейским обществом. Проявилось это не только в отдельных статьях, но в переключках между ними. В пятом номере «Современника» была помещена статья Е. Лундберга, эпиграфом которой служили слова Мистралья: «Если народ сохранил свой язык, он владеет ключом свободы»¹³ (со ссылкой на статью в «Аполлоне»), а в следующем номере был напечатан некролог П. Наумова, где автор объясняет эту «игру случая»: «Известие французских газет о смерти „великого национального поэта“ совпало с той дикой травлей, которая поднята у нас против многострадальной тени „украинского соловья“. Какое грустное совпадение! Какой пробный камень для сравнения судьбы двух народов, состоящих „в торжественном союзе“!»¹⁴

Здесь же впервые процитирован отрывок из выполненного И. Анненским перевода песни «Магали»: «Магали, моя отрада, / Слышишь льются, звуки скрипки! / — Эта тихая обода / Ясной ждет твоей улыбки (Из ранних рукописей И. Ф. Анненского)».¹⁵

Сологуб, скорее всего, не был знаком с этой статьей, иначе запомнил бы ее. Судя по свидетельству В. И. Кривича, Сологуб не знал о тексте Анненского и во время работы над переводом: «Незадолго до своей смерти Сологуб говорил о том, что переводит с провансальского „Migeio“ Мистралья, и был очень удивлен, узнав, что в моих материалах есть листки с переводом Анненского, относящимся... к 80-м годам!»¹⁶ Видимо, после этого Кривич сделал копию для Сологуба.¹⁷

Большинство авторов заметок о Мистрале использовали его имя как информационный повод для высказывания по другим вопросам — чаще всего о сепарации и судьбе Т. Шевченко. Разительней всего это проявилось в статьях Наумова, а также в некрологе А. В. Луначарского, который заканчивается сравнением провансальского поэта с Шевченко. Малороссийский «брат» Мистралья превозносится в последних трех абзацах некролога, а сам провансальский поэт отходит на второй план: «Роль Мистралья, может быть, до некоторой степени схожа с ролью Шевченко. Но Мистраль получил на шею красную перевязь командира Почетного Легио-

¹² *Адамов Е.* Мистраль и областное движение во Франции // Современный мир. 1914. № 11. С. 93—116; *Соловьев С. В.* Очерки из истории новой французской и провансальской литературы. СПб., 1914 (гл. 6); Русская мысль. 1914. Кн. 4. С. 64 (некролог); *Наумов П.* Фредерик Мистраль // Современник. 1914. Март. Кн. 6. С. 104—108 (некролог); Некоронованный король Прованса (Фредерик Мистраль) // Всемирная панорама. 1914. № 257 (12). С. 10 (некролог); [Б. п.] Фредерик Мистраль // Всемирная новь. 1914. № 14. С. 15 (некролог); *Луначарский А.* Мистраль // День. 1914. № 77 (перепеч.: Луначарский А. В. Этюды критические. М., 1925); *Шишмарев В.* Фредерик Мистраль // Журнал Министерства народного просвещения. 1915. № 9. С. 87—103 (перепеч.: Шишмарев В. Ф. История итальянской литературы и итальянского языка: Избр. статьи. Л., 1972. С. 267—283).

¹³ *Лундберг Е. Т. Г.* Шевченко (К столетию со дня рождения) // Современник. 1914. Кн. 5. С. 109—115. Характерно и содержание журнала «Всемирная панорама» (1914. № 157 (12)): «Восстание в Ирландии» (с. 9); «Муза Франции (Взгляд «короля французских поэтов» Поля Фора, гостящего в России)» (с. 9); «Некоронованный король Прованса (Фредерик Мистраль)» (с. 10). По случайности в том же номере помещена фотография бюста Ф. Сологуба, заказанного Б. Кустодиеву для «Третьяковской галереи» (фото Я. Штейнберга) (с. 3).

¹⁴ *Наумов П.* Фредерик Мистраль. С. 107.

¹⁵ Этот перевод 1879 года «Магали. Из поэмы „Migeio“» впервые опубликован: *Анненский И.* Стихотворения и трагедии. Л., 1959. С. 243—246 (Библиотека поэта. Большая сер.).

¹⁶ В примечаниях к воспоминаниям Т. А. Богданович дана следующая ссылка: письмо В. И. Анненского-Кривича к Д. Е. Максиму от 29 декабря 1930 года (собр. Д. Е. Максимова) (Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях / Публ. и комм. А. В. Лаврова и Р. Д. Тименчика // Памятники культуры: Новые открытия. 1981. Л., 1983. С. 133).

¹⁷ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 7. № 72.

на, <...> Шевченко в награду за свои заслуги перед языком и душой нашего Прованса — получил терновый венец. Но как ни велик Мистраль <...> не сравниться ему с поэтом мучеником, отразившим душу народа не только в ее покое и самолюбования, но и в ее гневном и скорбном порыве, в ее коллективном рыдании над своей исторической судьбой. Мистраль, если бы он мог встретиться с Шевченко в Валгале великих поэтов, мог бы обняться с ним братски, <...> но потом он должен был бы преклониться не только перед мукой великого Тараса, но и перед скорбной музыкой, разлитой в его произведениях, до которой не могло достичь личное горе бедной, маленькой Мирэйли».¹⁸

Первые сведения о планах Сологуба перевести поэму «Мирея» относятся к июню 1919 года, когда Сологуб сообщает А. Н. Тихонову, заведующему издательством «Всемирная литература», с которым, видимо, пытался заключить договор, что предоставит текст в издательство «только в том случае, если кроме В. А. Шишмарева для этого перевода не будет никаких иных редакторов».¹⁹ С Шишмаревым (1874—1957) — филологом, специалистом в области романских языков и литературы, профессором Петербургского университета, в 1920-е годы Сологуб соседствовал во время летнего отдыха в Костроме. Именно он, скорее всего, рассказал Сологубу о Мистрале и предложил сделать перевод по своему подстрочнику. Хотя имя Мистрала могло быть знакомо Сологубу и из «Писем с моей мельницы» А. Доде, которые переводила Александра Чеботаревская,²⁰ где в главе «Поэт Мистраль» нарисован провансальский поэт как простодушный деревенский житель, с удовольствием участвующий в народном празднике.

15 мая 1920 года Сологуб начал разыскивать книги, необходимые для работы над переводом, у Г. Лозинского, который, по всей видимости, не откликнулся на просьбу.²¹ Книги были переданы Сологубу только 14 августа 1923 года М. Лозинским, «раздобывшим» их у Б. А. Кржевского (историка западноевропейской литературы, переводчика с испанского, в то время сотрудника «Всемирной литературы»), проживавшего тогда в одной квартире с Г. Лозинским.²² 3 сентября 1923 года Кржевский отправил Сологубу «издание поэм, сделанное Е. Koschwitz'ом», отмечая, что в книге есть «обстоятельный глоссарий, который может <...> оказаться полезным».²³

Работа над переводами произведений Мистрала и Шевченко проходила параллельно, но не одновременно — точное время позволяет установить картотека переводов Сологуба.²⁴ «Мирея» начата в июне 1923 года: с 20 июня до середины сентября были переведены первые семь песен поэмы (из двенадцати) и большая часть восьмой. Далее последовал длительный перерыв, Сологуб вернулся к работе только в августе 1924 года и до момента отправки рукописи в издательство (28—29 декабря) переводил текст.

¹⁸ Луначарский А. Мистраль. С. 247.

¹⁹ Переписка Ф. Сологуба с издательством «Всемирная литература» / Подг. текста, вступ. статья и комм. В. В. Филличевой // Русская литература. 2018. № 2. С. 211—237.

²⁰ Доде А. Письма с моей мельницы. СПб., [1909] (Универсальная библиотека; № 193—194).

²¹ Переписка Ф. Сологуба с издательством «Всемирная литература». С. 225.

²² Там же. С. 231.

²³ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 362. Л. 1. В предисловии от переводчика Сологубом указаны издания, которыми он пользовался при переводе: «Перевод сделан с провансальского языка по изданию „Mireio, poème provençal de Frederic Mistral. Edition publiée pour les cours universitaires par Eduard Koschwitz. Avec un glossaire par Oscar Henniche. Marburg. N. G. Elwert, libraire-éditeur. Paris. H. Le Soudier, libraire-éditeur, Marseille. P. Ruant, libraire de l'Université. 1900”. Кроме того, я пользовался изданием „Mirèu, pouème provençau de Frederic Mistral, emé la traduction litorale en regard. Paris. Bibliotéco-Charpentier. G. Charpentier et E. Fasquelle editeurs. Avignon, Enco de Roumanilio, libraire”. Это издание повторялось неоднократно; у меня были издания 1892 и 1912 гг.» (ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 47. Л. 1 об.).

²⁴ Там же. Оп. 1. № 544.

Замысел обратиться к творчеству Шевченко появился у Сологуба немного позднее. По свидетельству К. Чуковского, 24 октября 1923 года Сологубу подсказал идею перевести «Кобзаря» А. Е. Розинер (управляющий конторой издательства «Нива», сотрудник издательства «Т-во А. Ф. Маркс»): «Мистрала, которого я теперь перевожу, никто не покупает. Я перевел уже около 1000 стихов. Попробую Шевченко».²⁵ В это время договор на издание все еще не был подписан, только 5 февраля 1924 года Тихонов сообщает о заключении договоров с Госиздатом на издание Мистрала и Шевченко, которые Сологуб должен был сдать к 1 августа и 1 июля 1924 года соответственно, однако срок несколько раз переносился.

К переводу «Кобзаря» Сологуб приступил в марте 1924 года, но закончил только два небольших текста: «Течет река в сине море...» и «Хотя лежащего не бьют...». Затем вернулся к работе в конце мая, и за лето перевел основной массив, который был дополнен только через год — в ноябре 1925 года еще двумя текстами.

Взявшись за два крупных произведения одновременно, Сологуб невольно соположил их, однако совсем не из тех побуждений, которые двигали литераторами, писавшими статьи о провансальском поэте. Тем более заметна разница в отношении к текстам — к работе над Шевченко, в отличие от Мистрала, Сологуб приступил только после заключения договора. Для переводчика оказалась намного важнее разница между двумя поэтическими системами, а не историческим и биографическим контекстом. Намного ближе оказалась поэзия «дальнего» провансальского поэта, чем «близкого» Шевченко:²⁶ «Шевченко был хам и невежда. Грубый человек. Все его сатиры тусклы, не язвительны, длинны. Человеческой души он не знал. Не понимал ни себя, ни людей, ни природы. Сравните его с Мистралем. У Мистрала сколько, напр., растений, цветов и т. д. У Шевченко одна только роза да еще две-три. Шевченко не умел смотреть, ничего не видел, но — он умел петь. Невежда, хам, но — дивный, музыкальный инструмент...»²⁷

Однако Шевченко вписывался в образ гонимого поэта. Так, в статьях, посвященных кончине А. П. Чехова (1904) и годовщине смерти А. С. Пушкина (1912), Сологуб развивает тему судьбы русской литературы, называя в числе «замученных» в своеобразном «синодике пострадавших <...> во славу родной литературы» Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Полежаева, Белинского, Добролюбова, Кольцова, Успенского, Помяловского, Кушневского, Левитова, Сурикова, Надсона и Шевченко.²⁸

Если Сологуба в тот период и не волновали идеи сепаратизма, то его точно интересовал вопрос языка — именно поиски в плане выражения характеризуют поздний период творчества писателя, особенно в переводах. В «Предисловии» к «Озорным сказкам» он пишет об этом: «Соответственно своему содержанию, книга на-

²⁵ Чуковский К. И. Собр. соч.: В 15 т. М., 2013. Т. 12. С. 110. Для перевода Шевченко Сологуб также разыскивал «последнее львовское издание» (Там же).

²⁶ См. высказанное М. М. Павловой предположение об автобиографичности оригинальных стихотворных текстов Сологуба «Мои отцы — казаки были...» (1879) и «Гайдамаки» (1880), наряду с работой над переводом Т. Шевченко (*Сологуб Ф.* Полн. собр. стихотворений: В 3 т. СПб., 2012. Т. 1 / Изд. подг. М. М. Павлова. С. 970 (сер. «Литературные памятники»)).

²⁷ Чуковский К. И. Собр. соч. Т. 12. С. 226. Хотя Сологуб мог эпатировать собеседника, говоря о Шевченко, как о «хаме и невежде», отметим в приведенной цитате само основание для противопоставления двух поэтов: мастерство.

²⁸ Сологуб Ф. Помяние (Чехов) // Биржевые ведомости (утр. вып.). 1904. 11 авг. № 407. С. 2. Ср.: «Подобно тому, как многое в его (Пушкина. — В. Ф.) жизни и в его делах стало завещанием для всех позднейших деятелей русской литературы, так и этот его скорбный удел перешел в наследие его преемникам <...>. Оклеветанность молвою, „позор мелочных обид“, — это до наших дней остается уделом русского писателя, и по-прежнему под гордыми лаврами терновый венец язвит чело поэта» (*Сологуб Ф.* Семьдесят пять лет (Пушкин) // Голос земли. 1912. 29 янв. № 20. С. 3).

писана французским наречием XVI века. Это обязывало меня перевести ее не современным русским наречием, и я пытался приблизиться к простодушной старине нашего языка до-Ломоносовской поры. ⟨...⟩ я не стремился совершенно точно повторить все особенности того или другого века в истории нашего языка, довольствуясь общим впечатлением наречия обветшалого». ²⁹ Переводы поэтических книг «народных» авторов привлекали Сологуба с точки зрения языковых поисков.

Несмотря на возможную разницу в отношении к текстам, работа над ними была одинаково основательна. Стоит посмотреть хотя бы на примечания к книгам, в которых Сологуб скрупулезно отмечал все возможные темные места. Для поэмы Мистралья он сделал необходимый реальный комментарий, помимо того, им были переведены редакторские примечания французских издателей: «Примечания, взятые из издания Кошвица, отмечены буквою К.; взятые из Парижско-Авиньонского издания Шарпантье и Румани — буквами Ш. Р.; примечания переводчика — буквою С.». ³⁰ Такая же система использована в переводе «Кобзаря»: примечания, взятые из издания Доманицкого, по которому Сологуб делал перевод, отмечены буквой «Д.», примечания автора — «Т. Ш.» и примечания, составленные самим Сологубом, — «С.». ³¹

Однако в декабре 1924 года, когда договор в очередной раз был нарушен, Сологуб отправил в Государственное издательство два письма, в которых не только поясняет причины задержки в работе, но и высказывает свое «переводческое кредо»:

«Детское Село

8 дек. 1924

Секретарю лит.-худож. сектора Госиздата.

Благодарю Вас за любезный и скорый ответ. Денег я еще не получил. Вы спрашиваете меня относительно перевода поэмы Мистралья *Mirèio*. Перевод почти кончен и через месяц, не позже, будет доставлен. Теперь дело задерживается только составлением примечаний и перепискою на машине. Очень извиняюсь перед Г. изд. за промедление, вызванное следующими причинами: зимою и в начале лета я чувствовал себя очень плохо из-за моего миокардита, и потому был мало трудоспособен; задержал меня и перевод *Кобзаря*, который увлекал меня; притом же я прислал кроме условленных 4.800 строк, лишние 2000 строк, и на это потребовалось немало времени. Хотя эти лишние 2000 строк Госиздат не оплачивает, но мне было трудно вместить выбор стихов ⟨в⟩ эту слишком тесную рамку. *Mirèio*, условие на которую заключал за меня А. Н. Тихонов, тоже заключает в себе не 4800 стр., а 6300. Таким образом я перевел лишних 2000 + 1500 = 3500 стр., что требовало времени. Мне хотелось сделать мой перевод не столько скоро, сколько так хорошо, как только умею. Надеюсь, что Госиздат примет во внимание все эти причины и не вменит мне в большую вину моего запоздания.

С приветом

Федор Сологуб».

²⁹ *Бальзак О. де. Озорные сказки / Пер. и предисловие Ф. Сологуба. Пб., 1922. С. 4. См. также в издании: Бальзак О. Озорные рассказы, в монастырях Турени собранные и в свет выпущенные для развлечения пантагрюэлистов и никого более господином де Бальзаком: В 2 т. / Пер. с фр. С. Вышеславцевой и др. с прил. 2 рассказов в пер. Федора Сологуба. СПб., 2015.*

³⁰ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 1. № 47. Л. 1 об.

³¹ При переводе Шевченко Сологуб пользовался изданием: *Шевченко Т. Кобзарь. СПб., 1907* (с предисловием и прим. В. Доманицкого). Примечания Сологуба при издании «Кобзаря» (1934) не сохранились. В его библиотеке нет издания Доманицкого, однако в другой книге (*Шевченко Т. Кобзарь / Под ред. М. Славинского. СПб., 1911; шифр: ИРЛИ 1937л/277*) рукой переводчика расставлены номера страниц у стихов, соответствующие Доманицкому, а в оглавлении дописаны названия со страницами, отсутствующие в книге Славинского.

«9 декабря 1924
Ленинград
Ждановская набережная
3, кв. 26.

Мне пришлось распечатать приготовленное Вам письмо и дополнить его этим приложением. Приехав из Детского Села, где я провожу часть недели, я нашел во Всем. Лит. извещение от Главного управления Гос. изд. от 4 декабря № 896 о том, что лит.-худ. сектор считает договор на перевод *Migeio* нарушенным по моей вине. Повторяю, что уже писал вчера: надеюсь, что литературно-художественный сектор примет мои объяснения и оставит договор в силе. Перевод может быть представлен мною в самом скором времени, и будет очень жаль, если Госиздат не напечатает первого русского перевода поэмы провансальского поэта, так ярко изображающей быт, нравы и наивные воззрения провансальских сельских жителей. Это верно, что запоздал с переводом, но да послужит мне оправданием моя болезнь, излишне против договора исполненный труд и желание сделать все, что в моих силах, чтобы сделать перевод возможно лучше. *Migeio*, как и Кобзарь, произведения такого высокого порядка, что человеку, который так долго, как я, работал в литературе, предпочтительнее исполнить смысл договора, — лучший по силам и умению переводчика труд, — чем букву его, — договорный срок. Очень прошу лит.-худ. сектор пойти мне навстречу и не лишать меня удовольствия увидеть мой усердный труд в числе изданий Госиздата.

С приветом
Федор Сологуб». ³²

Оба перевода не были напечатаны при жизни поэта ни в Госиздате, ни в других издательствах, куда Сологуб пытался их устроить после окончания работы. В 1925 году он вел переписку с Б. Н. Петниковым из Государственного издательства Украины, где ему было предложено перевести несколько текстов для антологии «Молодая Германия» (1926). Петников же писал Сологубу о Мистрале: «Через Шишмарева получено предложение издать Мистралья в Вашем переводе. Вопрос этот будет обсужден на следующей нашей секции. Я считаю издание Мистралья крайне ценным. Есть другая сторона, которая не всегда нашему ведению подлжит». ³³

Другой корреспондент Сологуба — А. Б. Гатов, с которым шли переговоры о переводах из П. Тычины, также занимался устройством переводов Шевченко: «Недавно я сделал попытку, зная, что Вы переводите Шевченко, напомнить одному изд(ательст)ву («Пролетарий» в Харькове) о В(ашей) работе в этой области и предложил изд(ательст)ву запросить В(ас) — не согласитесь ли В(ы) перевести стихи Шевченко, бывшие ранее под запретом, и имеющиеся в совершенно неудовлетворительных переводах? Принципиальное согласие я получил, но даже 30 коп., за строку, которые я назвал, показались изд(ательст)ву чем-то непомерно большим... Эти люди не ценят поэзии, пугаются стихов, не любят платить поэтам!.. Но, если все-таки, дорогой Федор Кузьмич, В(ас) интересует эта работа — переводы из Шевченко последнего периода (1500 строк), то не откажите сообщить В(аши) минимальные условия, и я приложу старание, чтобы изд(ательст)во „Пролетарий” сделало В(ам) этот „заказ”, как теперь говорят». ³⁴

³² ИМЛИ. Ф. 210. № 23. Л. 1, 2. На втором письме резолюция: «Договор не нарушать. Ионов».

³³ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 856. Л. 3 об.

³⁴ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 3. № 170. Л. 4 (письмо от 6 августа 1925 года). Тогда же Гатов послал Сологубу книги П. Тычины и свою «Антологию украинской поэзии...» (Антология украинской поэзии в русских переводах / Ред. А. Гатов, С. Пилипенко; автор вступ. статьи А. Белецкий. Киев: ГИЗ, 1924) с надписью: «Дорогому Ф. Сологубу — книгу эту мою не на 1/2, не на 1/3, а самое большее на 1/10. А. Гатов. 30 июня 1925. Харьков» (ИРЛИ. Библиотека. 84.10/113; списана; сведения из картотеки автографов).

Сологуб отвечал 25 августа 1925-го, высказывая свое суждение о трудностях перевода: «Еще тогда, когда я занимался переводами из Т. Шевченка, я убедился в том, что близость двух языков создает своеобразные трудности для перевода. Эта близость обязывает к наибольшей точности, но случается, что при точной передаче слова одного языка дают иное впечатление, чем соответствующие им по звуку и смыслу слова другого. <...> Я давно работаю над переводами, эта работа мне всегда нравилась, привлекала меня своими формальными трудностями, и я нередко переводил, не думая, будет ли это напечатано; так, много лет лежат у меня переводы из Рэмбо и Маллармэ; и всегда я хотел при этом забыть о себе, о своих приемах и словесных привычках, и быть только точным. И вот оказывается, когда это, по-видимому, легко, — и язык близок, и автор — мой современник (П. Тычина. — В. Ф.), тут-то и начинается самое трудное; да и вообще в нашем деле нет ничего труднее легкого: трудно овладеть легкостью Пушкина, и легко писать, как пишет Пильняк. И поэтому я долго колебался, отыскивая самый простой и немудреный способ передачи».³⁵

Судя по последовавшему 24 ноября 1925 года письму, Сологуб согласился на перевод всех текстов «Кобзаря», однако с «Пролетарием» сотрудничество все-таки не сложилось, и Гатов попробовал договориться с другим издателем, о чем и сообщил поэту: «О Вашем желании перевести всего Шевченко я сообщил Гос(ударственному) изд(ательст)ву Украины; оно официально В(ам) ответит на днях». И тут же попросил его о двух переводах для «Антологии...»: «Вне зависимости от перевода всего Шевченко очень бы мне хотелось получить в В(ашем) переводе для 2-го изд(а)ния „Антологии” стихи „Осии. Глава XIV” (стр. 419), „Хоча лежачого й не бьют” (стр. 435) — страницы указаны по новому изданию „Кобзаря”, которое одновременно с настоящим письмом В(ам) посылаю».³⁶

Работа над «Кобзарем» не была доведена до конца. Переведя основной массив текстов (в большем объеме — 7421 строки (54 текста из 200), чем прописанный в договоре с Госиздатом (4800 строк)), Сологуб снова обратился к переводу Шевченко только после просьбы Гатова. Стихотворение «Хоча лежачого не бьют» было закончено Сологубом ранее, а «Осии» — 20, 25, 26 ноября (2, 8, 9 декабря) 1925 года (как зафиксировано в авторской картотеке переводов). Видимо, Сологуб работал над ним специально для «Антологии украинской поэзии...». В то же время появилось только стихотворение «И здесь, и всюду все погано...», датированное 27 ноября (10 декабря) 1925 года, которое оказалось последним переведенным текстом украинского поэта, и к творчеству Шевченко Сологуб больше не возвращался.

Несмотря на все усилия и хлопоты разных лиц, переводы при жизни Сологуба так и не были напечатаны.³⁷ Шевченко был издан в 1934 году, а Мистраль так и остался неопубликованным.

³⁵ РГАЛИ. Ф. 2802. Оп. 1. № 148. Л. 2—3. В 1972 году Гатов предложил «Литературной газете» опубликовать это письмо Сологуба. Небольшая заметка (в полторы страницы) и машинописная копия письма была отправлена в «Литературную газету» 30 июня 1972 года среди других заметок и воспоминаний автора: «Ян Грот», «Иван Кулык», «Мед мудрости и вихрь дерзания (о Г. Леонидзе)», «Ф. Сологуб — переводчик украинских поэтов» (РГАЛИ. Ф. 634. Оп. 5. № 2295).

³⁶ Там же. Л. 17 (письмо от 24 ноября 1925 года; на письме Сологубом отмечено, что ответ послан 15 декабря 1925 года). Гатов выслал Сологубу издание: *Шевченко Т. Поезіі и Кобзар*. Харків: Госиздат, 1925 (ИРЛИ. Библиотека. 85.1/72; списана; сведения из каталога).

³⁷ См., например, сообщения о делах в Государственном издательстве Иванова-Разумника: «„Мирейо” и Шевченко еще не вошли в ближайший производственный план и положены под сукно» (Иванов-Разумник в переписке с Федором Сологубом и Анастасией Чеботаревской (1910—1927) / Вступ. статья, публ. и комм. А. В. Лаврова // Федор Сологуб: Разыскания и материалы. М., 2016. С. 502; письмо от 12 апреля 1926 года) или Ю. Н. Верховского (см.: Письма Ю. Н. Верховского к Ф. Сологубу и Ан. Н. Чеботаревской / Публ. Т. В. Мисникевич // Русская литература. 2003. № 2. С. 121—140).